

няя, будетъ установлено большее вознагражденіе, чѣмъ за виды труда, которые не отталкиваютъ. Принужденіе будетъ становиться тѣмъ менѣе тягостнымъ, чѣмъ болѣе, подѣ влияніемъ усовершенствованія производства, отталкивающія работы будутъ утрачивать свой непріятный характеръ. Напомнимъ хотя бы о томъ, насколько менѣе противны стали работы для множества людей съ замѣной фосфорныхъ спичекъ безфосфорными и вывозки нечистотъ изъ городовъ устраненіемъ ихъ посредствомъ каналовъ.

Толстой не считаетъ возможнымъ, чтобы свободные люди согласились на детальное раздѣленіе труда, которое, какъ предполагается, будетъ господствовать въ социалистическомъ обществѣ. Слѣдовало бы присоединиться къ этому взгляду, если бы, при детальномъ раздѣленіи труда, людямъ будущаго приходилось работать очень много. Но новый строй сложится только при условіи, что рабочій день станетъ гораздо короче, чѣмъ теперь; а при короткомъ рабочемъ днѣ даже очень дробное раздѣленіе труда не можетъ до такой степени удручать человѣка, чтобы онъ находилъ его тягостнымъ. Сокращеніе рабочаго времени оставляетъ человѣку ежедневно нѣсколько часовъ, когда онъ воленъ дать любое направленіе своей дѣятельности и упражнять силы, непримѣняемыя въ главной профессіи. Сошлемся на примѣры изъ современной жизни. Въ разныхъ отрасляхъ государственной и частной службы, въ банковомъ и страховомъ дѣлѣ многія занятія отличаются большимъ однообразіемъ: они сводятся къ тому, что человѣкъ постоянно пишетъ бумаги и письма приблизительно одного и того же содержанія. Самъ по себѣ трудъ этого рода можетъ оказывать на человѣка совсѣмъ такое же влияніе, какъ фабричная работа въ любомъ производствѣ. Но такъ какъ вознагражденіе этихъ людей, обыкновенно, довольно высоко, а рабочій день, большею частью, не превышаетъ 7 и даже 6 часовъ, то никому и въ голову не приходитъ утверждать, чтобы занятія этого рода губительно вліяли на трудящихся. Обстановка при этомъ трудѣ такова, что люди, которые избираютъ его, имѣютъ много данныхъ для отвлеченія себя отъ однообразной работы въ интересахъ здоровья и умственнаго развитія.

Какъ всѣ, для кого мечта имѣетъ гораздо большую цѣну, нежели дѣйствительность, Толстой высказываетъ увѣренность, что люди найдутъ несообразнымъ придавать значеніе, такъ называемой, цивилизаціи и легко откажутся отъ ея завоеваній. Онъ считаетъ невозможнымъ осуществить социалистическій строй на